

DOI: 10.17976/jpps/2018.01.10

КУЛЬТУРА, ИНСТИТУТЫ, ПОЛИТИКА

В.Г. Федотова, Н.Н. Федотова, С.В. Чугров

ФЕДОТОВА Валентина Гавриловна, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник сектора социальной философии Института философии РАН. Для связи с автором: val_fedotova@mail.ru; **ФЕДОТОВА Надежда Николаевна**, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии МГИМО МИД России. Для связи с автором: nnfedotova@rambler.ru; **ЧУГРОВ Сергей Владиславович**, доктор социологических наук, профессор кафедры международной журналистики МГИМО МИД России. Для связи с автором: new-polis@politstudies.ru

Федотова В.Г., Федотова Н.Н., Чугров С.В. Культура, институты, политика. – Полис. Политические исследования. 2018. № 1. С. 143-156. <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.01.10>

В статье использованы некоторые идеи, разрабатываемые авторами в главе “Культурологическая парадигма в политологии” для учебного пособия “Политическая наука. Методология (под ред. О.В. Гаман-Голутвиной и А.И. Никитина)” (2018), которое готовится к печати в издательстве “Аспект Пресс” под грифом МГИМО-Университета.

Статья поступила в редакцию: 15.09.2017. Принята к печати: 25.11.2017

Аннотация. Авторы с позиций социальной философии и политической социологии анализируют историческое место культурологических подходов в политологии и многообразные перспективы их применения, которые состоят в возможности предложить новые идеи по вопросу о соотношении и взаимодействии культуры и политики. Рассмотренные в статье концепции направлены на формирование культурологической парадигмы в политологии, имеющей различные подходы, создающие условия для разработки и практической реализации этого недостаточно исследованного вопроса. Подобно тому, как культура в целом представляет собой множество символических программ человеческой деятельности, политическая культура есть особый тип ориентации на политическое видение и действие, отражающий как специфику каждой политической системы, так и ценности общества, их философское оправдание и критику. Культура и институты, по мнению авторов, теснейшим образом сопряжены друг с другом и могут быть разведены только для аналитических и методологических целей. Они выступают двумя сторонами одной медали: институты – продукт культуры и общества, а культура и общество, в свою очередь, – результирующая действия институтов. Авторы доказывают, что отношения институтов и культуры приобретают значимость главным образом в следующих случаях. Во-первых, при желании заимствовать чужие институты, когда культурный контекст этих новых институтов инороден обществу – их реципиенту. Во-вторых, при попытке форсировать изменения собственных институтов в связи с меняющимися культурными предпочтениями или культурными конфликтами. В любом из этих двух случаев речь идет о конструировании новых институтов или об изменении культур. Авторы рассматривают течение этой трансформации, применяя и развивая концепцию “промежуточных институтов”.

Ключевые слова: глобализация; институты; институциональный подход; культура; культурологическая парадигма; модернизация; модерн; парадигма; политика; политология; политическая культура.

Сегодня политология, равно как и политэкономия, политическая социология и многие другие “гибридные” формы знания, *привели многообразные дисциплинарные структуры к осознанию их связи с культурой.* И комбинации слов, связывающих понятия политики и культуры, общества и культуры, экономики и культуры и пр., когда-то казавшиеся оксюмороном, прочно вошли в научный лексикон.

Взаимовлияние научных дисциплин, включая науки о политике и науки о культуре, при решении как теоретических, так и прикладных задач *стало нормой, тенденцией и принципом*, из которых происходит выстраивание культурологических подходов в политологии, сделавших возможным и интересным политологическое видение культуры и культурологическое видение политики. Суть тенденции состоит в повышении значимости культуры для политологии и политической практики, равно как в росте влияния политики и политологии на сферу культуры и культурологию. Это в перспективе может стать нормой для большого спектра дисциплин, которые прямо или косвенно поддерживают возникновение и формирование культурологической парадигмы политологии¹, открывая одновременно новые возможности влияния политической науки на культуру.

Можно ли считать, что культурологическая парадигма в политологии полностью сформировалась? Нет, она находится в стадии становления и усиления влияния на политику – с опорой на множество культурологических подходов, порой еще не получивших статуса парадигмы. Основные признаки этого процесса заключаются в следующем.

– Долгое время политология не принимала культурологическую парадигму в виде общей формулы взаимовлияния культуры на политику и политики на культуру. Хотя сегодня такая постановка задачи уже имеется, ее решению пока не хватает концептуальной разработанности. Ни третий модерн, начавшийся с глобализации 1990-х годов, который и сегодня не исчез на Западе и к которому стремятся незападные страны [Федотова, Колпаков, Федотова 2008; Федотова 2016; Федотова 2012], ни постмодерн, занявший значимую часть спектра западной культуры, ни глобализация не унифицировали способы взаимодействия культуры и политики, а, напротив, увеличили их разнообразие.

– Важно помнить о множестве культурологических подходов в политологии, способных, воспроизводя общий признак влияния культуры на политику и политологию, формировать специфические культурологические образцы для конкретных обществ, отличающихся друг от друга культурно-политическими комплексами. Последние нередко становятся институтами, обретающими достаточную определенность и устойчивость (например, к их числу относятся культурные индустрии).

– Культур-центристские и политико-центристские традиции различаются в разных обществах. Например, российскому обществу присущ высокий статус культуры, культур-центристских подходов. Они существуют и в США, но в основном среди культурологов (например, у Дж. Александера). Однако там доминируют политико-центристские подходы, вплоть до оппонирования политологов культурологической парадигме в политологии с позиций доминирования политических ценностей и целей.

В статье рассмотрены позиции участвующих в формировании культурологических подходов в политологии западных авторов, таких как Г. Алмонд, Ш. Бенхабиб², К. Вельцель, С. Верба, Р. Инглхарт, С. Хантингтон, Ш. Эйзенштадт и др. Нами учтены также позиции российских авторов (О.В. Гаман-Голутвиной, В.А. Гуторова, Б.Г. Капустина, Т.Ф. Кузнецовой, М.М. Лебедевой, И.С. Семеновича, М.М. Федоровой, Е.Н. Шапинской и др.).

¹ Далее мы будем употреблять термины преимущественно в единственном числе (“подход”, “парадигма” и т.п.), имея в виду, что речь может идти и о множестве.

² Авторы считают предпочтительной транскрипцию имени “Шейла”, хотя в отечественной литературе можно встретить иное написание – Сейла Бенхабиб.

Отметим потенциал культурологических подходов в политологии путем проекции их на политическую практику при организации политического управления, в электоральных процессах, при формировании политического курса и пр. Политическая практика распадается на внутреннюю и внешнюю посредством выработки культурологических доминант как во внутренней политике, так и во внешней, требуя не только развития культурологического видения политологии, но и приспособления его к конкретным целям.

Политическая культура была и остается предметом интереса философии, философии политики и политической науки. Сам термин появился в XVIII в. у немецкого философа Иоганна Гердера. Подобно тому, как культура вообще представляет собой множество символических программ человеческой деятельности, политическая культура представляет собой *особый тип ориентации на политическое видение и действие, отражающий как специфику каждой политической системы, так и ценности общества, их философское оправдание и критику.*

Политическая культура – это один из наиболее разработанных аспектов культурологических подходов в политологии. Немецкий профессор К. Вельцель, специалист по сравнительным исследованиям, определил степень концептуальной зрелости подходов к анализу политической культуры как формирование ее парадигмы. Но даже несмотря на то, что статья Вельцеля озаглавлена “Парадигма политической культуры”, автор полагает, что “политическая культура остается предположением, а не научным понятием” [Welzel 2016]. Долго это было так, но сегодня термин “политическая культура” вошел в научный оборот как характеристика типов культуры в сфере политики, политологии и в других областях науки и практики.

НЕМНОГО ИСТОРИИ: КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА И ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Динамика возрастания роли культуры связана с переходом от традиционных обществ к современным – обществам первого (XIX в.), второго (конец XIX – третья четверть XX вв.) и третьего модерна (конец XX–XXI вв.). В начале первого модерна ведущую роль в обществе играло строительство социальных институтов (политических, научных, образовательных и пр.) без особой рефлексии культуры со стороны политологов, которые изучали западный мир как мир *институтов*, не учитывая, что он укоренен в западной культуре. Важно, что модерн конца XX в. был сосредоточен на построении гомогенной культуры западного общества при игнорировании культурных меньшинств, разнообразия идентичностей, культурных, религиозных, языковых и прочих различий, что стало проблемой модерна и постмодерна с началом глобализации и заполнило начало XXI в.

Интерес к изучению культуры и культур политологи долгое время не проявляли. В отличие от них, тема культуры стала предметом исследований философов (О. Шпенглер и др.), социологов (М. Вебер, П. Сорокин и др.) и антропологов (Ф. Боос, Р. Бенедикт и др.). Наибольшее влияние на политологов в плане обращения к проблемам культуры оказали антропологи, которые занимались незападными обществами и исследовали разнообразие незападных культур. Как пишет К. Вельцель, “успех антропологов в изучении культуры привел политологов к мысли, что политическую культуру можно изучать во всех обществах” [Welzel 2016]. После Второй мировой войны возможностями распространения западной демократии за пределы Запада заинтересовались социологи, и в этом контексте возникла концепция политической культуры [Wedeen 2002]. Этот же интерес под-

держивали и сторонники классического этапа развития теории модернизации, пытавшаяся распространить западную институциональную модель на незападные страны.

Г. Алмонд и С. Верба в начале 1960-х годов вышли за пределы сугубо западного контекста и обратились к сравнительному исследованию типов политического познания. Они изучали отношение людей к правительству и политике, к обязанности или необходимости участвовать в ней, к их гражданской компетентности, членству в организациях, политической социализации, гражданской культуре и демократической стабильности. Их книга о гражданской культуре перевернула представления американцев о себе самих и о сущности демократии и гражданского общества, поскольку была направлена против господствующей в США рационально-активистской модели, требующей от всех граждан политического участия. Алмонд и Верба высказали сомнение в возможности осуществления такой модели: “Гражданская культура является смешанной политической культурой. В ней многие индивиды активны в политике, но есть такие, кто играет в ней пассивную роль подданных. Более важно, что даже среди граждан, играющих активную политическую роль, качества подданных и прихожан не вытеснены. Роль участника добавляется к подданнической и приходской культурам. Это значит, что активный гражданин сохраняет свои традиционалистские неполитические связи, так же как и свою более политическую роль подданного” [Almond, Verba 1963: 339]. Алмонд и Верба подвергают критике мифы о компетентности граждан, о значимости их эмоционального подъема. “Во-первых, сильная эмоциональная включенность в политику ставит под угрозу баланс между активностью и пассивностью, ибо сохранение этого баланса связано с невысокой значимостью политики. Во-вторых, политическая включенность такого плана ведет ‘к росту политических ставок’, создавая благоприятную почву мессианским массовым движениям, подрывающим стабильность демократий” [ibid.: 355]. Важно, что “гражданская культура — это политическая культура умеренности” [ibid.: 368].

А. Лейпхарт под влиянием идеи смешанных культур и с тем же убеждением о значимости их учета в обществах, начавших строить демократию, в предисловии к русскому изданию коллективной монографии “Демократия в многосоставных обществах” подчеркивал, что “предвидел исключительно важную роль этнических и других различий как источника конфликтов в обществе и указывал на настоятельную необходимость создания демократических институтов, которые могли бы сделать такие конфликты управляемыми. В 1970-х и 1980-х годах подобные конфликты затенялись глобальным противостоянием эпохи холодной войны. Однако с ее окончанием этнические и иные противоречия стали основными источниками конфликтов в мире. Данные перемены совпали с мощной тенденцией демократизации. Это означает, что вопрос о том, как совместить демократию с глубокими внутренними различиями в обществе, стал главным вызовом в сегодняшнем мире” [Лейпхарт 1997: 26]. В этой работе речь идет больше о различиях этнических, чем культурных и социальных, но влияние Алмонда и Вербы, несомненно, просматривается.

Задача распространения демократии на незападные страны и убежденность ряда политологов в достижимости этой цели вытеснила интерес к политическим культурам на периферию политической мысли почти на два десятилетия. В то время игнорирование политологами проблемы роли культуры в политике было связано и с тем, что даже у Г. Алмонда и С. Вербы культу-

ра представляла как натуралистически заданная³. Отсутствие у политологов интереса к культуре стало настолько заметным, что в 1986 г. президент Американской ассоциации политической науки А. Вайлдавски в обращении к членам ассоциации прямо призвал учитывать роль культуры [Olson 2011].

Конец 1980-х годов, а особенно 1990-2000-е годы ознаменовались ростом интереса политологов к культуре, появлением исследований связей политики и культуры. Анализ политической культуры не исчерпывает всех аспектов культурологических подходов к политике, включающих в себя многообразие влияния факторов культуры на политическую жизнь разных обществ, а также обратного влияния политики на культуру. С 1990-х годов эти подходы становятся доминирующими, тема культуры начинает преобладать в социальных науках, чему способствовали, среди прочего, взлет националистических настроений, выход на первый план вопросов этничности, идентичности, цивилизаций, религиозного фундаментализма и глобализации как нового мегатренда, расширившего многообразие связей политики и культуры.

НА ПУТИ СТАНОВЛЕНИЯ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ В ПОЛИТОЛОГИИ

Различие *политической культуры и культуры в целом* является важным аспектом становления культурологической парадигмы в политологии или приближения к ней. До сих пор, однако, можно констатировать более тесную связь политики с политической культурой, чем с культурой в целом. К числу исследователей, которых интересовала не только связь *политической культуры с политикой и политической деятельностью*, но и значение *культуры в целом для политологии*, можно отнести Э. Геллнера, Ш. Эйзенштадта, С. Хантингтона, Ф. Фукуяму, Р. Инглхарта, Р. Патнэма и др. Остановимся на ряде влиятельных концепций.

Ш. Эйзенштадт исследовал динамику цивилизаций, включая динамику культуры из-за близости понятий цивилизации и культуры. Цивилизация отличалась для него закрепленностью культурного паттерна и обретением им определенной формы, а *культура обладала большим разнообразием и подвижностью, большей возможностью изменений политологического знания за относительно короткий промежуток времени* [Эйзенштадт 1999].

С. Хантингтон подчеркивал, что политологии “не следует... отвергать контекстуальные факторы более широкого значения – социальные, экономические, культурные” [Хантингтон 2003: 50], и показал, что Запад, находившийся в состоянии трансформации, не был способен по-прежнему служить универсальным образцом развития. Как и Ш. Эйзенштадт, С. Хантингтон исходил из возможности различного политического поведения стран, зависимости их политики и политологического видения от присущих им культур. *Это была попытка показать множественность культурологических подходов в политологии, выбираемых каждым обществом самостоятельно на основе своей культуры или в попытке ее как-то изменить.* Концепция, предполагающая общую культурологическую парадигму политологии, не получила детальной разработки, развиваясь в направлении исследования национальных культурологических парадигм в политологии. Если раньше ученые видели культурологический

³ В годы невнимания политологов к культуре набирал силу конструктивистский подход (П. Бергер, Н. Лукман), сосредоточивший внимание на возможности использования культуры для изменения общества, с указанием на то, что сама культура подвергается изменениям.

подход в политологии в ориентации на Запад, то Хантингтон предположил существование разных путей развития, адекватных культурной специфике того или иного общества [Huntington 1996: 75].

Путь первый — вестернизация без модернизации — отражает внешнее усвоение западного опыта при отсутствии восприятия принципов и ключевых культурных основ западной жизни. Таким путем пошли, например, Египет и Филиппины.

Путь второй — модернизация без вестернизации, без изменения идентичности. Оккупация Японии после Второй мировой войны предполагала деконструкцию коллективистских структур как проводников милитаристского сознания, и началась либерализация, которая на деле была направлена на разрушение традиционного общества. В 1950-е годы японские власти поддержали программу, выдвинутую социологами: не ломать традиционные общинные структуры общества, ибо они, как оказалось, были способны стать хорошими проводниками нового, немилитаристского государственного воздействия. Иерархия японских общинных структур позволяет управляющему воздействию государства, направленному на “вершину” пирамиды общины, к ее лидерам, легко спуститься вниз. Японское общество изменилось из-за того, что государство сменило свои цели и модернизировалось на собственной культурной основе. Не меняясь культурно, японцы производили современные вещи, осуществляя технологическую революцию. Этот путь стал популярным и в других странах Азии⁴.

С. Хантингтон отмечает, обращаясь к проблеме идентичности народов как к ведущей черте их культуры, что “японцы впали в настоящую агонию, решая вопрос, делают ли их местоположение, история и культура Азией, или из-за богатства, демократии и современности они относятся к Западу. Иран был описан как ‘нация в поисках идентичности’, Южная Африка характеризуется ‘поиском идентичности’, Китай — вопросом о ‘национальной идентичности’, в то время как Тайвань был вовлечен в ‘распад и пересмотр национальной идентичности’”. Сирия и Бразилия находятся перед лицом ‘кризиса идентичности’, Канада — в ‘продолжающемся кризисе идентичности’, Дания — в ‘остром кризисе идентичности’, Алжир — в ‘деструктивном кризисе идентичности’, Турция — в ‘уникальном кризисе идентичности’, ведущем к ‘жарким дебатам о национальной идентичности’, и Россия — в ‘глубоком кризисе идентичности’, заново открывающем классические дебаты XIX в. между славянофилами и западниками относительно того, является ли она ‘нормальной’ европейской страной или отчетливо отличной от них евразийской державой. Задаются вопросом о ‘мексиканской идентичности’ в Мексике. Идентифицировавшие себя с разными Германиями немцы — демократической, западноевропейской, и коммунистической, восточноевропейской — пытаются сформировать единую немецкую идентичность. Сомневаются в общей идентичности и не уверены, принадлежат ли они Европе или Северной Атлантике, британцы. Кризис национальной идентичности стал глобальным феноменом” [Huntington 2004, 12-13]. Это опубликовано уже в начале XXI в., но в книге, которая суммировала идеи, выдвинутые Хантингтоном в 1990-х годах, и сегодня вполне очевидно, что культурологический подход к политологии был ограничен противоречиями обществ в понимании своей идентичности.

⁴ Данная тема, а также некоторые детали разрабатываемого в настоящей статье концепта выкристаллизовались в ходе горячих дискуссий С. Хантингтона с одним из авторов данной статьи (С.В. Чугровым), неоднократно обсуждавшим эти темы в 1993-1994 гг. и в стенах Гарварда, и в бостонском доме Хантингтона. В главе 6 книги “Столкновение цивилизаций” [Huntington 1996: 337] читатель сможет найти несколько ссылок на суждения С.В. Чугрова.

Путь третий — догоняющее развитие, при котором пропорции модернизации и вестернизации примерно одинаковы. По этой модели развивались Россия, Турция, Мексика и другие страны. Но и этот путь, обеспечив ряд достижений, в конечном итоге заводил в тупик: во-первых, из-за новой фазы развития Запада, которая не создавала предпосылок того, чтобы его можно было “догнать”; во-вторых, вследствие попыток ускоренной рекультивации (отрицания собственной культуры), которые провоцируют неизбежные откаты назад; в-третьих, из-за начавшегося распространения комбинированных моделей, усваивающих отдельные черты рассмотренных выше моделей.

Четвертый путь. Наиболее адекватной формой развития обществ Хантингтон представлял модель модернизации, которую мы называем национальной. По мнению ученого, надо достичь некоторого уровня вестернизации, а далее перейти к локальной или, как мы предпочитаем ее называть, национальной модели модернизации, т.е. к типу развития, продиктованному национальными культурами и нуждами. Национальный в данном контексте понимается не как этноцентристский, а как соответствующий интересам основной геополитической единицы современности — национальному государству, его культуре и гражданской идентичности. Необходимый и достаточный уровень усвоения западного опыта для национальной модели развития незападных стран ведет к многообразию возникающих типов модернизации при глобализации и глобальном капитализме. Эта идея Хантингтона, которую нередко воспринимали как самую сомнительную часть его теории, вскоре нашла подтверждение из-за нового характера социальных изменений в конце XX — начале XXI в. и появления ряда новых объяснений. Среди них обращают на себя внимание концепции, ориентированные на многообразие культурологических подходов в политологии разных стран. И Ш. Эйзенштадт, и С. Хантингтон доказали, что Запад, находящийся в процессе серьезных изменений, не может по-прежнему оставаться универсальным образцом развития. Появляется множество “модернизмов” (вариантов модернизации, складывающихся на локальном уровне) [Eisenstadt 2000].

Из мегатренда, универсализирующего мировое развитие, модернизация превращается в ряд локальных способов развития, уступая место новому мегатренду — глобализации, которая, по мнению Хантингтона, не устраняет опасность столкновения цивилизаций [Модернизация и глобализация... 2002; Федотова 2016]. Напомним, что Хантингтон написал свою книгу “Столкновение цивилизаций” в 1996 г. В качестве источника грядущих конфликтов он выделяет культуру, а не экономику и не идеологию. По его мнению, на международной арене главной действующей фигурой останется государство, но наиболее важные конфликты будут разворачиваться в местах разлома между цивилизациями и между нациями, принадлежащими к разным цивилизациям и (или) культурам. Термин “цивилизация” не содержит у Хантингтона указания на уровень развитости. Хантингтон определяет цивилизацию как культурную общность наивысшего ранга, как самый широкий пласт идентичности людей, ибо общечеловеческая идентичность не достигается. Поскольку культурная идентификация может меняться, то меняются границы цивилизации. Он полагал, что столкновение цивилизаций станет доминирующим фактором мировой политики: “локальная политика является политикой этничности, глобальная политика является политикой цивилизаций” [Федотова 2016: 28]. Будущее предстает в его глазах действиями

одной цивилизации в отношении к другой. Цивилизационная линия — это линия раздела (*fault line*) цивилизаций, которую политолог проводит на карте, в Европе — между западнохристианской цивилизацией (охватывающей зону, прошедшую Ренессанс, Реформацию и Просвещение, испытавшую воздействие Великой французской революции), православно-христианской цивилизацией сербов, русских, украинцев (не прошедших через эти трансформации) и исламской, раскинувшейся от южных границ Европы вплоть до Китая. Прочие перечисляемые им цивилизации — японская, конфуцианская, индуистская, буддистская, латиноамериканская и, как возможная, африканская.

Хантингтон характеризует культуры не как безупречных игроков мировой политики, а как явления, которые могут стать источником конфликтов. Его резко критиковали за это, ибо слово “культура” для интеллектуальной элиты обладало чуть ли не сакральным смыслом. Но у нас есть реальный опыт культурных антагонизмов, который показывает, что к Хантингтону в этом вопросе стоит прислушаться. Что же касается культурологического подхода к политике, он, конечно, может быть продуктивным, но это вовсе не обязательно и далеко не всегда так. Культурологическая парадигма в политологии, которую мы хотим воспринимать позитивно, способна вызывать серьезные конфликты. Легко увидеть, что именно культурные различия и противоречия ряда стран становятся преградой на пути к согласию.

Ф. Фукуяма также признает важность культуры. Но, в отличие от своего учителя Хантингтона, он полагает, что “культура может объяснить истоки, но никак не стойкость демократии как политической системы. Сэм (Хантингтон. — *Авт.*) недооценил универсальную притягательность перспективы жить в современном свободном обществе с подотчетным тебе правительством”⁵.

КУЛЬТУРА И ИНСТИТУТЫ

Культура и институты, на наш взгляд, тесно связаны и могут быть разведены только для аналитических и методологических целей. Они выступают двумя сторонами одной медали: институты являются продуктом культуры и общества, а культура и общество, в свою очередь, — результирующей действия институтов. Отношения институтов и культуры приобретают значимость главным образом в следующих случаях. Во-первых, при желании заимствовать чужие институты, когда культурный контекст новых институтов иной по сравнению с обществом — реципиентом институтов. Во-вторых, при попытке форсировать трансформацию собственных институтов в связи с меняющимися культурными предпочтениями или культурными конфликтами. В любом из этих случаев речь идет о конструировании новых институтов или об изменении культуры.

По словам французского политолога Ж. Блонделя, несмотря на то что в политологии изучение институтов занимает центральное место, до 1990-х годов они не были проблематизированы. Связано это с тем, что политологи больше интересовались эмпирическим характером дисциплины, чем политической философией [Blondel 2006: 716, 718].

Сегодня на соотношении институтов и культуры сфокусированы исследования экономистов, так как они дольше всех остальных не учитывали не только культуру, но и все внеэкономические (властные, общественные) от-

⁵ Фукуяма Ф. *Самуэль Хантингтон, 1927–2008. In memoriam*. URL: <http://www.russ.ru/layout/set/print/pole/Samuel-Hantington-1927-2008> (проверено 22.09.2017).

ношения. Тем не менее теперь они вышли на передний план изучения связи культуры и институтов. Причина таких изменений, скорее всего, коренится как раз в том, что экономисты осознали свое запаздывание с пониманием роли культуры в этой дисциплине, а также в связи с новой экономической ситуацией, глобализацией, коммерциализацией и пр.

Автор теории новой институциональной экономики, нобелевский лауреат Д. Норт предложил определять институты как “правила игры” в обществе, или... созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми. Следовательно, они задают структуру побудительных мотивов человеческого взаимодействия — будь то в политике, социальной сфере или экономике. Институциональные изменения определяют то, как общества развиваются во времени, и таким образом являются ключом к пониманию исторических перемен” [Норт 1997: 17].

По мнению Норты, институты могут быть как формальными, так и неформальными. Первые вносят ограничения, включающие новые правила, придуманные людьми, а вторые — ограничения, вызванные условностями и нормами поведения, принятыми в обществе. *Неформальные институты в таком случае — это и есть сложная сеть культурных значений и предпочтений, та точка, где сходятся культура и институты.* По словам ученого, “институты могут быть продуктом сознательного человеческого замысла — как, например, Конституция США, или просто складываться в процессе исторического развития, подобно обычному праву” [там же: 18].

Б.З. Мильнер, автор предисловия к русскому изданию книги Норты, обобщает его слова из нобелевской речи: “Если законы могут быть изменены в течение короткого времени, то неформальные нормы меняются постепенно. Именно такие нормы создают легитимную основу для действия законов, а революционные изменения последних часто приводят к результатам, отличающимся от ожидаемых. Страны, которые принимают законы, пригодные для других экономических условий, для других неформальных норм и побудительных факторов, приобретают совсем не то направление развития, что имеют государства, откуда эти законы заимствованы. Перенос политических и экономических законов западных рынков в условия республик бывшего СССР не является достаточным фактором успешного функционирования последних” [там же: 10].

Однако интеллектуальное сообщество не думает, что так просто изменить культуре в пользу “неформальных институтов”, охраняя водораздел между двумя понятиями. Так, гарвардские экономисты А. Алесина и П. Джулиано согласны на толкование институтов как правил игры, но не разделяют институты на формальные и неформальные: “Очевидно — и в этом основная мысль нашего исследования — культура (или неформальные институты) и формальные институты взаимосвязаны, но термин ‘неформальные институты’ предполагает, что формальные институты определяют неформальные и что последние вторичны. Как только мы согласимся, что формальные и неформальные институты взаимосвязаны и что одни могут порождать другие, определение конкретных ценностей и убеждений как культуры или неформальных институтов становится лишь вопросом семантики. Мы предпочитаем термин ‘культура’ термину ‘неформальные институты’, находим его более подходящим и вразумительным. Аналогично, для краткости, иногда под институтами мы будем понимать формальные институты. Последние могут быть комплементарны культуре и взаимодействовать с ней” [Алесина, Джулиано 2016: 88]. Ученые иллюстрируют

свою позицию, ссылаясь, например, на соотношение формальных судебных институтов и доверия. Формальные институты лучше работают в обществе с высоким уровнем доверия хотя бы потому, что большее доверие снижает количество судебных процессов. Так же и различные культурные характеристики семьи и отношения в ней влияют на правовую организацию государства “всеобщего благосостояния”. Изучение институциональной эволюции в США показало, как различие культурных представлений иммигрантов, прибывших с волнами миграций первых поселенцев, стали причиной формирования радикальных различий в законодательстве. Сначала пуритане, заинтересованные в образовании и порядке, к которым они привыкли, прибыли в Массачусетс из Западной Англии. Ими были приняты законы о всеобщем образовании и правосудии, они ввели городские собрания и городские соглашения, как это было принято на их родине. Вслед за ними с Юга и Юго-Востока Англии приехали роялисты, которые обосновались в области Чесапикского залива. Групповое неравенство представлялось им естественным состоянием. Они установили низкие налоги и мало обращали внимания на образование. Квакеры поселились в долине реки Делавэр, ценили личную свободу и создали институты, поддерживающие равные права и ограничивающие государственное вмешательство. Последние переселенцы из Северной Англии, Шотландии и Ирландии обосновались в отдаленных районах Юга США. Они верили в свободу от ограничений и потому поддерживали минимальное государственное вмешательство и систему сдержек и противовесов: “Очевидно, убеждения, которые привезли в США эти группы, стали ключевыми факторами установления и последующего развития институтов в Соединенных Штатах” [там же].

152

Однако ответ на вопрос о том, как из разных общин могут формироваться институты и институт государства, целостность государственного организма, как правило, сводится к историческому изложению преодоленных трудностей и успешных шагов. На наш взгляд, отсутствовавшая в течение долгого времени теоретическая модель становления единства людей и государственного управления не могла быть построена при имеющемся разнообразии поселений не только в США, но и на ранее освоенных территориях, включая Россию. Это становилось делом истории и историков, однако в теоретическом плане результат так и не был получен. Полагаем, что теперь появился некоторый методологический инструмент для теоретического поворота к анализу подобных событий.

По мнению экономиста А. Аузана, “в разных странах при модернизациях приходится находить разные ключи к тому, как применить традиционное для движения вперед”, а таким ключом может стать “промежуточный институт” — “неидеальный” с точки зрения стандарта того, как должны выглядеть институты в развитой стране”, который являет собой “не только наше желание обустроить определенным образом экономику или политическую жизнь, но должен учитывать и те ограничения и темпы процессов, которые идут в стране”⁶. Таков институт земства — “вертикально выстроенный институт гражданского общества, который учитывал наличие и сословной иерархии, и самодержавной власти, но при этом представлял собой важный элемент развития, плоды которого мы видим не только в призрачной социокультурной сфере, но и вполне материально, как до сих пор существующие земские школы и больницы”⁷. Аузан приводит

⁶ Аузан А. Промежуточные институты. Почему в России нельзя построить все сразу. — *Московский центр Карнеги*. 2017. URL: <http://carnegie.ru/commentary/73216> (проверено 30.09.2017).

⁷ Там же.

в пример Южную Корею, где в качестве промежуточных институтов были использованы кланы и сам принцип клановости, а В.М. Полтерович понимает их как институты, работоспособные при имеющихся ограничениях, в том числе вызванных социокультурными факторами, и способствующие ослаблению этих ограничений, что создает условия для преобразований⁸. Судя по докладу Центра стратегических разработок, “знание социокультурных особенностей жителей той или иной территории, учет факторов социокультурного разнообразия позволяют осуществлять ‘тонкую настройку’ реформ, дают возможность разрабатывать нестандартные институциональные решения, предназначенные для преодоления ‘институциональных ловушек’, решения ‘проблемы колеи’...”⁹.

В Японии, например, нет принципиальных несоответствий с моделью западных демократий. Она усвоила принцип сдержек и противовесов, проводит выборы по западным лекалам и, с известными оговорками, может служить эталоном демократизма [Чутров 2002: 112-123]. При всем том различия сразу же бросаются в глаза, если взглянуть, как функционируют эти институты. Так, упорно воспроизводится феномен “наследников” (*сэсю гиин*), т.е. отлаженное преемство поста депутата парламента от отца (деда, тестя и других родственников) по нисходящей линии — традиция, существующая с эпохи Мэйдзи (например, премьер-министр С. Абэ — внук премьер-министра Н. Киси и племянник премьер-министра Э. Сато). Для всех кандидатов в “народные избранники” условия жесткие: “Чтобы одержать победу на выборах, кандидат в депутаты должен иметь в своем распоряжении три вещи: *дзибан*, *камбан* и *кабан*, означающие в дословном переводе с японского соответственно ‘вотчину’ (избирательный округ с устойчивым организационным механизмом сбора голосов), ‘вывеску’ (т.е. известность в округе) и ‘портфель’ (чемодан, набитый пачками денег)” [Политическая система... 2013: 165, 272-273].

В Индии Вестминстерская система также приобрела индийский акцент — налицо влияние атавизмов кастового устройства общества и традиционной системы самоуправления в виде панчаятов. Таким образом, примеры Японии и Индии обнаруживают успех использования промежуточных институтов и отсутствие погони за “идеальными” институтами.

Умеренность и компромисс, необходимые демократии и другим политическим институтам, достигаются балансом между пассивностью и активностью, компетентностью и доверием, согласием и разногласием, между спокойным и продолжительным формированием институтов и соответствующей им культуры и их торопливым внедрением. Еще Алмонд и Верба отмечали, что “постепенный рост гражданской культуры путем слияния (разных культур. — *Авт.*) обычно происходит в условиях, когда решение проблем, стоящих перед политической системой, растянуто во времени... Проблема, с которой сталкиваются новые страны, заключается в том, что для них такая постепенность невозможна... Эти страны стремятся завершить за короткий промежуток времени то, что на Западе создавалось в течение столетий” [Almond, Verba 1963: 369-370].

Отметим, что, в сравнении с Россией, Индией и Японией, Запад не имел образца или “промежуточных институтов”, на которые он мог равняться, и поэтому в направлении модернизации не всегда двигался последовательно, но все же пришел к сегодняшнему результату. Так, демократия (если говорить

⁸ Социокультурные факторы инновационного развития и успешной имплементации реформ. — *Центр стратегических разработок*. 2017. С. 96. URL: <http://csr.ru/wp-content/uploads/2017/09/Report-SF.pdf> (проверено 17.09.2017).

⁹ Там же. С. 13.

о политической культуре), которая провозглашалась изначально целью западных обществ, достигалась ими поэтапно. В США XIX в. речь шла только о белых мужчинах. В XX в. борьба за гражданские и избирательные права завершилась тем, что их получили женщины и афроамериканцы. Сегодня в западных странах даются права ЛГБТ сообществу, а в политической повестке дня большую роль играют права коренных народов. Мы видим, что, ставя задачу демократизации, западные общества решают ее, идя шаг за шагом, выбирая достижимые на данный момент цели, адекватные существующей культуре. Таким образом, модернизация Запада достигалась порой путем строительства “промежуточных институтов”, несовершенных, но пытающихся решить какую-то задачу на основе существующих ценностных представлений [Федотова 2016; 2017: 127].

Литературовед и философ Т. Иглтон утверждал: “Культура — не только то, чем мы живем. Она в большой степени и то, ради чего мы живем. Привязанности, отношения, память, родство, место, сообщество, эмоциональное богатство, интеллектуальное удовольствие, чувство наивысшего смысла: большинству из нас они ближе, чем хартии прав человека или торговые договоры (курсив наш. — Авт.). И все же культура может оказаться слишком близка к комфорту. И такая близость рискует стать болезненной и навязчивой, если не будет помещена в просвещенный политический контекст (курсив наш. — Авт.), который может смягчить ее непосредственность более отвлеченными, но вместе с тем и более насыщенными связями. Мы видели, как культура снова приобрела политическое значение. В то же время она стала слишком нахальной и самонадеянной. Пришло время, признавая ее важность, все-таки поставить ее на место” [Иглтон 2012: 192].

Культура прошла путь от малозаметной переменной до притязаний на гегемонию как в политических исследованиях, так и в политической практике. После периода расцвета интереса к культуре в конце 1980-х и начале 2000-х годов ощущается некоторая “усталость” от использования ее в качестве величины, определяющей слишком многое, и от ее “притязаний”. “Поставить культуру на место” означает признать значимость нахождения баланса между культурными значениями и институциональными установлениями, их взаимное влияние, динамическую природу взаимоотношений между ними и возможность построения промежуточных институтов как этапа на пути движения к “идеальным” — “инклюзивным” институтам, т.е. институтам с обратной связью, но и здесь надо помнить о соответствии инклюзивного института адекватному культурному контексту.¹⁰

Алесина А., Джулиано П. 2016. *Культура и институты*. — *Вопросы экономики*. № 10. С. 82-111.

Иглтон Т. 2012. *Идея культуры*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 192 с.

Лейпхарт А. 1997. *Демократия в многосоставных обществах. Сравнительное исследование*. М.: Аспект пресс. 287 с.

Модернизация и глобализация: образы России в XXI веке. 2002. Отв. ред. В.Г. Федотова. М.: ИФ РАН. 208 с.

Норт Д. 1997. *Институты, институциональные изменения и функционирование экономики*. М.: Фонд экономической книги “НАЧАЛА”. 189 с.

Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н. 2008. *Глобальный капитализм. Три великие трансформации: Социально-философский анализ взаимоотношений экономики и общества*. М.: Культурная революция. 607 с.

¹⁰ Концептуализация соотношения политической культуры и институтов в исследованиях философско-политической мысли XXI в. будет рассмотрена в следующей статье авторов, которая готовится к публикации.

- Федотова Н.Н. 2012. *Изучение идентичности и контексты ее формирования*. М.: Культурная революция. 200 с.
- Федотова В.Г. 2016. *Модернизация и культура*. М.: Прогресс-Традиция. 335 с.
- Федотова В.Г. 2017. Глобализация и модернизация: фактор культуры. — *Знание. Понимание. Умение*. № 4.
- Хантингтон С. 2004. *Политический порядок в меняющихся обществах*. М.: Прогресс-Традиция. 480 с.
- Хантингтон С. 2003. *Третья волна демократизации в конце XX в.* М.: РОССПЭН. 368 с.
- Чугров С.В. 2002. Россия и Япония: о некоторых параллелях в политической культуре. — *Запад и западные ценности в российском общественном сознании*. М.: ИМЭМО РАН. С. 112-123.
- Политическая система современной Японии*. 2013. Под ред. Д.В. Стрельцова. М.: Аспект Пресс. 384 с.
- Эйзенштадт Ш. 1999. *Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение обществ*. М.: Аспект Пресс. 416 с.
- Almond G.A., Verba S. 1963. *The Civic Culture. Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. Newbury Park, L., New Delhi: Sage. 339 p.
- Blondel J. 2006. About Institutions, Mainly, but Not Exclusively, Political. — *The Oxford Handbook of Political Institutions*. Ed. By R.A.W. Rhodes, S.A. Binder and B.A. Rockman. Oxford, N.Y.: Oxford University Press. 816 p.
- Eisenstadt S.N. 2000. Multiple Modernities. — *Daedalus*. Vol. 29. No. 1. P. 3-29.
- Huntington S.P. 2004. *Who Are We: The Challenges to America's National Identity*. N.Y.: Simon and Schuster. xvii, 428 p.
- Huntington S.P. 1996. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. N.Y.: Simon and Schuster. 367 p.
- Olson L.R. *The Essentiality of "Culture" in the Study of Religion and Politics*. — *Journal for the Scientific Study of Religion*. 2011. Vol. 50. No. 4. P. 639-653.
- Wedeen L. Conceptualizing Culture: Possibilities for Political Science. — *The American Political Science Review*. 2002. Vol. 96. No. 4. 713 p.
- Welzel C. 2016. Political Culture Paradigm. — *Oxford Research Encyclopedia of Politics*. <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190228637.013.67>

DOI: 10.17976/jpps/2018.01.10

CULTURE, INSTITUTIONS, POLITICS

Fedotova V.G.¹, Fedotova N.N.², Chugrov S.V.²

¹*Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia*

²*Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University), MFA of Russia. Moscow, Russia*

FEDOTOVA Valentina Gavrilovna, Dr. Sci. (Phil. Sci.), Professor, Principal Researcher, Sector of Social Philosophy, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Email: val_fedotova@mail.ru; **FEDOTOVA Nadezhda Nikolaeвна**, Dr. Sci. (Soc.), Professor, Department of Sociology, MGIMO-University. Email: nnfedotova@rambler.ru; **CHUGROV Sergey Vladislavovich**, Dr. Sci. (Soc.), Professor, Department of International Journalism, MGIMO-University. Email: new-polis@politstudies.ru

Fedotova V.G., Fedotova N.N., Chugrov S.V. Culture, Institutions, Politics. — *Polis. Political Studies*. 2018. No. 1. P. 143-156. <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.01.10>

The authors promote some ideas they elaborate in a chapter "Cultural paradigm in political science" for a textbook "Political Science. Methodology," which is to be submitted to the Aspect Press in 2018 ed. by Prof. O. Gaman-Golutvina and Prof. A. Nikitin under auspices of MGIMO-University.

Received: 15.09.2017. Accepted: 25.11.2017

Abstract. Authors analyze from the viewpoint of social philosophy and political sociology the historical implications of cultural approaches in political science as well as diverse prospects of their application, which consist in the possibility of promoting new ideas concerning correlation and interaction of culture and politics. The concepts considered in the article are aimed at the formation of a cultural paradigm in political science,

which has various approaches that create conditions for the development and practical implementation of this insufficiently researched issue. Just as culture in general is a set of symbolic programs of human activity, political culture, in particular, is a special type of orientation toward political vision and action, reflecting both the specifics of each political system and the values of society, their philosophical justification and criticism. Culture and institutions, according to the authors, are closely intertwined with each other and can be separated only for analytical and methodological purposes. They act as two sides of the same coin: institutions are the product of culture and society, and culture and society, in turn, result in the action of institutions. The authors argue that the relations between institutions and culture acquire significance mainly in the following cases. First, this is the case of borrowing foreign institutions, if the cultural context of the new institutions is different from that of the recipient society. Secondly, it happens in an attempt to force changes in their own institutions due to changing cultural preferences or cultural conflicts. In any of these cases, we are talking about the design of new institutions or about changing cultures. This situation is examined with the application and development of the “intermediate institutions” concept.

Keywords: globalization; institutions; institutional approach; culture; culturological paradigm; modernization; Art Nouveau; paradigm; policy; political science; political culture.

References

- Alesina A., Giuliano P. *Kul'tura i instituty* [Culture and Institutions]. — *Voprosy ekonomiki* [Issues of Economics]. 2016. No. 10. C. 82-111. (In Russ.)
- Almond G.A., Verba S. *The Civic Culture. Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. Newbury Park, London, New Delhi: Sage. 1963. 339 p.
- Blondel J. About Institutions, Mainly, but Not Exclusively, Political. — *The Oxford Handbook of Political Institutions*. Ed. by R.A.W. Rhodes, S.A. Binder, B.A. Rockman. Oxford, New York: Oxford University Press. 2006. 816 p.
- Chugrov S.V. Russia and Japan: Some Parallels in Political Culture [Rossiya i Yaponiya: o nekotorykh paralelyakh v politicheskoy kul'ture]. — *Zapad i zapadnyye tsennosti v rossiyskom obshchestvennom soznanii* [The West and Western Values in the Russian Public Consciousness]. Moscow: IMEMO, RAS. 2002. P. 112-123. (In Russ.)
- Eagleton T. *Ideya kul'tury* [The Idea of Culture]. Moscow: The Higher School of Economics Publishing House. 2012. 192 p. (In Russ.)
- Eisenstadt S. Revolution and the Transformation of Societies. (Russ. ed.: Eisenstadt S. *Revolutsiya i preobrazovaniye obshchestv. Sravnitel'noye izucheniye obshchestv*. Moscow: Aspect Press. 1999. 416 p.)
- Eisenstadt S.N. Multiple Modernities. — *Daedalus*. 2000. Vol. 29. No. 1. P. 3-29.
- Fedotova N.N. *Izucheniye identichnosti i konteksty yeye formirovaniya* [The Study of Identity and the Contexts of Its Formation]. Moscow: Cultural Revolution. 2012. 200 p. (In Russ.)
- Fedotova V.G. *Globalizatsiya i modernizatsiya: faktor kul'tury* [Globalization and Modernization: the Factor of Culture]. — *Knowledge. Understanding. Skill*. 2017. No. 4. (In Russ.)
- Fedotova V.G. *Modernizatsiya i kul'tura* [Modernization and Culture]. Moscow: Progress-Tradition. 2016. 335 p. (In Russ.)
- Fedotova V.G., Kolpakov V.A., Fedotova N.N. *Global'nyy kapitalizm. Tri velikiye transformatsii: Sotsial'no-filosofskiy analiz vzaimootnosheniy ekonomiki i obshchestva* [Global capitalism. Three Great Transformations: A Socio-Philosophical Analysis of the Interrelations between Economy and Society]. Moscow: Cultural Revolution. 2008. 607 p. (In Russ.)
- Huntington S. *Politicheskii poryadok v menyayushchikhsya obshchestvakh* [Political Order in Changing Societies]. Moscow: Progress-Traditsiya. 2004. 480 p. (In Russ.)
- Huntington S. *Tret'ya volna demokratizatsii v kontse XX v.* [The Third Wave of Democratization in the Late XX Century]. Moscow: ROSSPEN. 2003. 368 p. (In Russ.)
- Huntington S.P. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. N.Y.: Simon and Schuster, 1996. 367 p.
- Huntington S.P. *Who Are We: The Challenges to America's National Identity*. N.Y.: Simon and Schuster. 2004. xvii, 428 p.
- Lejphart A. Democracy in Plural Societies. A Comparative Exploration. (Russ. ed.: Lejphart A. *Demokratiya v mnogostavnykh obshchestvakh. Sravnitel'noye issledovaniye*. Moscow: Aspect Press. 1997. 287 p.)
- Modernizatsiya i globalizatsiya: obrazy Rossii v XXI veke* [Modernization and Globalization: Images of Russia in the 21st Century]. Ed. by V.G. Fedotova. Moscow: Institute of Philosophy, RAS. 2002. 208 p. (In Russ.)
- North D. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. (Russ. ed.: North D. *Instituty, institsional'nyye izmeneniya i funktsionirovaniye ekonomiki*. Moscow: Nachala. 1997. 189 p.)
- Olson L.R. The Essentiality of “Culture” in the Study of Religion and Politics. — *Journal for the Scientific Study of Religion*. 2011. No. 50(4). P. 639-653.
- Politicheskaya sistema sovremennoy Yaponii* [Political System of Modern Japan. Ed. by D.V. Streltsov]. Moscow: Aspect Press. 384 p. (In Russ.)
- Wedeen L. Conceptualizing Culture: Possibilities for Political Science. — *The American Political Science Review*. 2002. Vol. 96. No. 4. 713 p.
- Welzel C. Political Culture Paradigm. — *Oxford Research Encyclopedia of Politics*. 2016. <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190228637.013.67>